

Продолжение. Начало в № 1–12 за 2013 год, в № 1–12 за 2014 год, в № 1–12 за 2015 год, в № 1–12 за 2016 год, в № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 за 2017 год

Полтысячи страниц — это книга Семена Экштута «Красные когти судьбы». Подзаголовок: «Иннокентий Анненский в коридоре эпохи».

Об этом моем почти однофамильце архивисты и историки накопили увесистые тома. Я читал далеко не все, но из того, что я читал, исследование Экштута кажется мне самым интересным. И по современному ощущению темы. И по обращению с материалом, которое, я думаю, характерно для нынешнего литературоведения.

Родословие Иннокентия Анненского детально прослеживается с его предков — с эпохи, когда страна, проигравшая Крымскую войну, избавилась от крепостного права и устремилась «к торжествующему царству Ваала». Материал огромен. Тема актуальна. Какой характер вырабатывается у главного героя книги? И как этот характер должен вписаться в «коридор эпохи»? Скрупулезнейший анализ судьбы не только поэта, но и его близких (среди которых старший брат Николай избрал путь «нигилистического отрицания всех основ» и в этом качестве обрел куда большую известность, чем младший стихотворец).

Младший стихотворец в развернувшемся противостоянии «классиков» и «реалистов» делается убежденным сторонником первых. То есть твердо

стоит на том, что студенты обязательно должны изучать латынь и древнегреческий. Есть надежда, что это послужит для молодых интеллектуалов противодействием материализму, нигилизму и прочим соблазнам потрясательной эпохи.

Увы, не получилось. Экштут это объясняет, я бы сказал, драматургично. Не то что страна не нуждалась в работниках («реалистах»), еще как нуждалась, и работы было полно, однако, отлынивая от предметных занятий, студенты предпочитали слушать тех профессоров, которые им нравились. А что нравилось? «Это был век толстых журналов, эпоха воинственного и торжествующего дилетантизма», и молодые люди, не приспособленные к труду, имели свободу «искать исхода вне закона»... то есть раздувать огонь революции. В которой и суждено им самим было сгореть.

Иннокентий Анненский вежливо, но твердо отстраняется от этой вольницы. Суть его характера, пишет Экштут, — «феноменальная неслиянность со средой».

Это расхождение убедительно прослеживается в книге Экштута. Рок судит поэту разрыв с литературой, устремившейся в распад и разгул революционной эпохи. И поэт избирает верность Року.

Я вчитываюсь в стихотворение, которое знаменует (во всяком случае для меня) этот разрыв.

Стихотворение предсмертное; написано в апреле 1909 года, в декабре поэта схоронят. Восемь строк:

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

«Не надо света?!.»

Читаешь и поражаешься: все слова вроде бы ожидаемые, а ощущение такое, что мир пере-

создается начисто. Только одна строка (где «я томлюсь с другими») на миг взглядывает из таинственной глубины в общепонятное «томление»... но тем загадочнее глубина.

Непобедима глубина личного достоинства, и она неподвластна внешним силам, если эти силы мерцают общеобязательным для всех светом. Такой «свет» запросто опускает людей до элементарного ликбеза, равняет их без разбора, награждает счастливым самоослеплением. Если так, то лучше без света! С глубинной верой — без слепящего выравнивания. С верностью своему жребью, своему предназначению, своей судьбе — без всякой общеобязательной подсветки.

Верность эта — завет, который оставил нам поэт Иннокентий Анненский.

Продолжение следует.